DOI: 10.17976/jpps/2023.05.04
EDN: GZGVJK

ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ КАК КОНЦЕПТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОРИЕНТИРЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ: ДИАЛЕКТИКА СОВМЕСТИМОСТИ

И.С. Семененко

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, член-корр. РАН, зам. директора по научной работе, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: semenenko@imemo.ru

Семененко И.С. 2023. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 45-65. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.04. EDN: GZGVJK

Статья поступила в редакцию: 05.04.2023. Принята к публикации: 07.06.2023

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к концептуальному анализу социально-политических изменений, поставлен вопрос о содержании понятия "общественное развитие" и о трактовке "политики развития" как его управляемого измерения. В современном научном дискурсе ощутим дефицит адекватных терминов и емких языковых форм для описания критериев, принципов и механизмов общественного развития; в уточнении нуждается и сама исследовательская парадигма. В рамках характеризующих общественное развитие теоретических подходов можно условно выделить дихотомию "традиций" и "инноваций", которая отражается в преемственности и дискретности социально-политической динамики. При этом в политико-управленческих практиках, реализуемых от имени государства, нередко абсолютизируется та или иная составляющая такой дихотомии. В статье рассматривается вопрос о принципиальной возможности позитивной совместимости традиций и инноваций в повестке дня публичной политики в современных обществах, глубоко разделенных по ценностным и социокультурным основаниям, о путях и ограничениях такого совмещения. Обосновано, что эффективность политики развития зависит от взаимного усиления традиций и инноваций и их ситуативных сочетаний. Опираясь на анализ дискурсов и нарративов о развитии и на оценки опыта позитивного совмещения традиций и инноваций в деятельности субъектов публичной политики на локальном уровне, автор отмечает настоятельную необходимость в развитии культуры диалога между элитными и массовыми группами и внутри этих групп по вопросам разработки и реализации политики развития. Аргументирована потребность в нахождении в публичной политике возможностей обеспечить взаимодействие этих механизмов самоорганизации общества, удовлетворяющих запрос на ответственное развитие. В основе такого подхода – усвоение традиционных ценностей в рамках социального опыта инновационной, ориентированной на социальное творчество личности.

Ключевые слова: традиция, инновация, общественное развитие, политическое развитие, дискурсы развития, преемственность, дискретность, политика идентичности, политика развития, ответственное развитие, разделенные общества, инновационная личность.

В условиях глубинных трансформаций современного миропорядка обретение ясных ориентиров развития становится насущной потребностью личности и императивом общественных преобразований. Это одна из системных опор

социального оптимизма, без которого невозможно соизмерять личные жизненные перспективы с долговременными стратегиями общественного развития. В основе такого оптимизма – бытийное самостояние человека, поиски высших онтологических смыслов и таких социальных норм и политических форм, которые не противоречили бы духовным устремлениям личности. В идеале – открывали бы возможности для поддержки стремления к гармонии с *міром*, к созидательному взаимодействию с другими людьми. Поэтому столь значимыми становятся вопросы нравственного выбора и ответственности индивида, те духовные основания и этические принципы, на которых они выстраиваются.

Позиционирование по отношению к смысложизненным вопросам отражается в картине мира современного человека, в индивидуальных и коллективных идентичностях. Зачастую – в принципиально непримиримых расхождениях между сторонниками несовместимых ценностных установок и идейных позиций. В стремительном потоке изменений среды обитания человека, его социальных потребностей, ценностных предпочтений и отражающих эти перемены идентичностей рождаются новые культурные нормы. Нередко они вступают в конфликт со “старыми”, привычными моделями социального поведения. В управленческих практиках возможности их взаимного дополнения и обогащения сводятся по преимуществу к использованию новых технологий для “осовременивания” привычных паттернов социального взаимодействия. В более широком социально-политическом контексте – к отказу от традиции, характерной для предыдущих этапов социальной истории, и от самого принципа преемственности ориентиров и смыслов развития. Это происходит во многом из-за упрощенного понимания общественного развития как процесса пересмотра устоявшихся социальных практик ввиду изменения культурной нормы. Такой пересмотр может получить целенаправленную поддержку со стороны государства, стремящегося легитимировать виражи политического курса вплоть до революционной смены режима. Но насколько такое ви́дение отвечает формирующемуся в обществе запросу на перемены вкупе с потребностью в ясных социальных перспективах?

В процессе социальных и политических коммуникаций складываются новые формы институциональных взаимодействий и рождаются новые управленческие подходы. Однако в “текучей современности” (согласно известному образному выражению З. Баумана) они зачастую “стареют” и исчезают прежде, чем успевают обрести сколько-нибудь прочное институциональное обличье. Между тем влияние многообразия новых форм и практик на современную политическую повестку трудно переоценить: они заслоняют долговременные ориентиры, подменяя их “проектами”, “программами”, “дорожными картами”.

Неуправляемость этого потока ведет к отчуждению значительной части современного “индивидуализированного” (в логике З. Баумана) общества от политики и политического: многие его члены теряют интерес к социально-политической активности, не задумываясь и об общественно значимых смыслах развития. Потребность в такой рефлексии вытесняется информационным “шумом”, имитирующим причастность человека к происходящим изменениям. Размываются и традиционные формы социальных связей, от устойчивых профессиональных коллективов до института семьи. В публичном пространстве современного Запада продвигается соответствующая повестка политики идентичности, которая ориентирована сугубо на требования разных

по составу и все множащихся меньшинств. Происходит это на основе абсолютизации такой социокультурной нормы, как политкорректность. В результате "должное" становится жестко предписанным образцом поведения.

В ответ на эти вызовы появляются новые формы организации социального и политического участия. Использование сетевых технологий позволяет расширять пространство коммуникаций, вовлекать в него новых участников. Так, разные формы сетевой волонтерской активности могут отчасти компенсировать образующиеся разрывы социальных связей, модернизируя традиции социального взаимодействия в ответ на актуальные запросы. Во многом такая активность представляет собой "хорошо забытое старое", отвечая исконной потребности человека в солидарности. Напротив, новые формы политических движений во главе с неполитическими лидерами (такие, как "5 звезд", "Движение чаепития" или "пиратские партии"), претендующие на разрыв с политической традицией, неслучайно стремительно увлекают сторонников и столь же стремительно их теряют. Им оказывается не под силу эффективно и последовательно работать на общественный запрос. В том числе – ввиду отсутствия необходимых компетенций для переформатирования "идей о развитии" в "политику развития". Однако в их деятельности имплицитно присутствует и системное измерение: конкурируя на политическом рынке, такие несистемные силы во многом обеспечивают устойчивость самой системы, создавая видимость политической инновации и при этом поддерживая легитимность привычного политического порядка.

ПОНЯТИЙНЫЕ ЛОВУШКИ НЕОЧЕВИДНЫХ ДИХОТОМИЙ

Поляризация политического ландшафта во многом отражает скрытое противостояние формирующих его партий, движений и групп интересов. Однако сведение полярных политических позиций к противоборству "*консерваторов"* и *"либералов*", и, тем более, "*правых"* и *"левых*" по меньшей мере сильно упрощает картину. В силу *политической традиции* этим понятиям придается оценочный характер, но они не отражают идейно-политических предпочтений, традиционно приписываемых сторонникам консерватизма и либерализма или политикам правого и левого толка. И лишь имплицитно указывают на идейные ориентиры тех, кто определяет текущую политическую повестку дня, как на источник, задающий направление социально-политических трансформаций. Сами же изменения мыслятся в линейной логике восхождения от "требующего пересмотра старого" к "передовому новому". В повестке политического управления *традиции* как устойчивому качеству социальной системы и конкретным культурным традициям (в смысле опоры на опыт, укорененный в культуре, в том числе в культуре политической) как проявлениям этой стабильности противопоставляются "*социальные инновации*" и "*креативность*".

В словаре социальных наук на сегодняшний день не выстроился четкий понятийный ряд для осмысления этих ключевых для понимания организации социальной жизни форм в присущей им динамике. Споры не затихают, хотя вопрос о "сущностно оспариваемых понятиях (*contested concepts*)" и о потребности в их прояснении был поставлен еще в середине прошлого века [Gallie 1956: 168-169]. К числу таких понятий относятся такие ключевые для анализа социально-политических изменений концепты как *развитие*, отражающее представления о поступательной направленности общественных изменений, и *динамика*, характеризующая разнонаправленные процессы их протекания

(неслучайно данный термин заимствован общественными науками из механики). Важен в этом контексте и концепт *трансформации,* в буквальном смысле описывающий видоизменение форм социальных взаимодействий и механизмов их организации. В общем плане речь идет об “изменении элементов условий, средств и целей человеческой деятельности”, которое А.С. Ахиезер считал сущностной характеристикой новшества, или инновации [Ахиезер 1998: 296-297].

Инновационная социальная деятельность предполагает переход к качественно иным этапам и формам социальных взаимодействий. Трудности в осмыслении этих процессов на уровне политических макросообществ (государства/страны) связаны в том числе с разным пониманием “нового” и “старого”. Различия обусловлены политической культурой и предыдущим политическим опытом преемственности/дискретности в развитии национального сообщества. Траектория преемственности отождествляется с консерватизмом, дискретности – с революционизмом. В российской философской мысли в 1900-е годы шло бурное обсуждение путей развития России в контексте соотнесения с традиционными духовными ценностями, вспомнить хотя бы полемику вокруг сборников “Проблемы идеализма” (1902), “Вехи” (1909) и “Из глубины” (1918). И недаром тогда же Н.А. Бердяев в продолжение этих споров отмечал, что “консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать... Наибольшую свободу для человека дает сочетание начала консервативного с началом творческим, т.е. гармоническое развитие общественного космоса” [Бердяев 1923: 100-101]. Спустя век дискуссия разгорается с новой силой. Рефлексия вокруг смыслов развития меняет внешнюю оболочку, усложняется понятийный ряд, но нерешенными остаются те же вопросы...

Терминология прогресса/регресса применительно к общественному развитию осталась в XX в. постольку, поскольку его линейное ви́дение утратило господствующие позиции в научном дискурсе. В анализе и прогнозировании общественных трансформаций широко используются сегодня такие понятия, как циклы, волны и ритмы социально-политической динамики. Широкое признание в научной литературе получили концепции “жизненного цикла цивилизаций” А. Тойнби [Тойнби 2009] и “больших циклов конъюнктуры” (“длинных волн”) применительно к экономическому развитию [Кондратьев 2002]. При этом переход от одного большого цикла к другому во многом связан с масштабным внедрением наиболее важных, “базисных” технологических инноваций [Mensch 1978]; в этом процессе сопрягаются и взаимодействуют инновации социальные и политические [Berry 1991]. Наличие колебательных процессов в экономике и феномена политического маятника (смена “правой” – “левой” фаз политического развития) доказано многочисленными эмпирическими исследованиями второй половины XX в. – начала XXI вв. Последний по времени маятниковый эффект такого рода наблюдается в ряде стран Латинской Америки с начала 2020-х годов.

Циклически-волновой подход, развивающий эту логику анализа, позволяет прогнозировать циклы и ритмы политической динамики и предвидеть будущие точки перелома тенденций развития с учетом сокращения временно́й протяженности самих циклов [см. Пантин, Лапкин 2006; 2014] и влияния циклов культурной динамики [Пантин 2023: 215-275]. В контексте анализа

социально-политических изменений широко используются концепты реформ и революций, модернизации и архаизации, отражающие такую системную характеристику развития, как его дихотомический характер. Дихотомическое ви́дение развития обнаруживает такие черты динамических общественных систем, как закрытость или инклюзивность, расположенность к изменениям или к их отторжению (в частности, ввиду невосприимчивости политико-управленческих элит к новым социальным потребностям).

Теоретическая рефлексия о современном социально-политическом развитии неизбежно выводит на противоположенные сюжеты. Их конкретизация раздвигает рамки обобщенных моделей *преемственности* и *дискретности* траекторий развития и привычной для политической науки дихотомии *стабильности/дестабилизации* институтов. Так, очевидно, что потенциал дестабилизации есть у любой претендующей на производство новых общественных благ инновации, поскольку ее внедрение нарушает баланс политических сил, сложившийся вокруг распределения общественных благ.

Вместе с тем кажущаяся спонтанность тенденций, определяющих траектории эволюции государственных сообществ как основных форм организации общественной жизни, остается системным вызовом для политической науки. Тому есть ряд причин, в основе которых – неоднозначное понимание *общественного* и *политического развития*. В поле политических исследований не сложилось четкой или хотя бы консенсусной трактовки этих базовых концептов и их сущностных характеристик. В результате они употребляются "по умолчанию" в соответствии с решаемыми при анализе задачами. Таким же образом используется и понятие государства, его давно назревшее прояснение стало объектом пристального исследовательского внимания только в последние годы [Джессоп 2019: 51-189; Соловьев 2020: 37-62].

Широко известно сформулированное Й. Шумпетером определение формы и содержания развития применительно к рыночной экономике и предпринимательской деятельности через понятие "осуществления новых комбинаций" средств производства. Под таковыми понимается освоение нового блага или его нового качества, внедрение нового метода производства, освоение нового рынка сбыта, получение нового источника сырья и проведение соответствующей реорганизации [Шумпетер 2007: 132-133]. Однако определение политического развития в рамках той же логики задачи не решает: оно не сводится к "новым комбинациям" институтов как воплощению политического измерения развития. И, тем более, к "созидательному разрушению" таких институтов – известной шумпетеровской идее о творческом потенциале разрушения старой экономической структуры для создания новой, поскольку политическое развитие в аналогичной эволюционной (а не революционной) логике предполагает не только институциональную преемственность, но и соотнесенность с политико-культурной традицией.

Сущностная непроясненность базовых понятий диктует необходимость их ситуативного определения и переопределения с учетом идеалтипической модели. В контексте данного исследования *политическое развитие* трактуется как динамика политических институтов, ориентированная на обеспечение устойчивости политической системы (см. [Pye 1966]). В том числе – за счет способности самих институтов к перенастройке и адаптации для решения этой задачи путем поддержания приемлемого для политической устойчивости уровня социальной стабильности и культурного разнообразия. А отвечающая

критериям эффективности *политика развития* – как способность обеспечивать средствами публичного управления достижение таких целей, поддерживать высокие социально-экономические показатели и положительную динамику в сокращении неравенства до социально приемлемого уровня. Такая динамика определяет позитивное восприятие изменений, что выражается в устойчивом уровне доверия к политическим институтам и социальной солидарности в обществе, в тенденции к снижению социальной аномии. В результате политика развития получает новый импульс. Сам принцип рефлексии о развитии предполагает, что “в человеческом обществе знания имеют прямые и непосредственные практические следствия. То, что люди думают о социальных изменениях, принципиально важно для того, чтобы подвигнуть их к действиям... Вот почему обогащение теоретических знаний о социальных изменениях одновременно имеет и большое практическое значение – для осуществления самих изменений” [Штомпка 1996: 15].

Работающие в поле социальных наук исследователи используют для концептуализации понятия “развития” разные подходы, и ограниченность междисциплинарных взаимодействий в осмыслении парадигмы развития и его движущих сил тормозит продвижение на этом направлении. Хотелось бы обратить внимание и на недостаточность современных языковых форм для обозначения векторов социальной динамики. Системное решение вопроса о соответствии существующих языковых средств содержанию анализируемых процессов еще предстоит найти, это нетривиальная задача для наук, изучающих современные сложные общества.

Привычных подходов для поиска ответа на вызовы, которые ставит и само современное развитие, и потребность в прогнозировании его тенденций, оказывается явно недостаточно. Своего рода ловушкой становится, в частности, технократическая абсолютизация потенциала и самого характера инноваций. Расхожая классификация инноваций, выделяющая технологические, социальные и научные направления как отдельные сферы инновационной активности, не покрывает многозначности этого феномена и неоднозначности его восприятия в обществах с разными типами политической культуры. Характерный пример: острые противостояния вокруг решений по сокращению сферы социального и гуманитарного образования, продвигавшихся в последнее десятилетие на государственном уровне в Японии, Бразилии и ряде других ориентированных на инновационное развитие стран, во многом объясняются отсутствием *системного ви́дения политики развития.* Такого, которое основано на оценках восприимчивости политической культуры, как сферы бытования политической традиции, к возможностям внедрения инновационных практик.

Инновации и традиции в политическом развитии: дискурсы и практики

Инновация (от *лат. novus* – новый, *innovatio* – обновление, новшество) в широком смысле означает нововведение. Применительно к социальной сфере речь идет, так же как в случае с концептами развития или социального творчества, о сущностно оспариваемом концепте, несущем в себе указание и на процесс изменений, и на взаимодействия вовлеченных в этот процесс акторов.

В исследовательском поле выделяются два “класса” социальных инноваций. Первый “класс” – это инновации, направленные на переформатирование отношений господства в процессе взаимодействия групп интересов. Второй –

это обеспечивающие рост "совокупной индивидуальной полезности" за счет внедрения инновационных подходов, технологий, практик в той или иной сфере социальной деятельности [Ayob, Teasdale, Fagan 2016: 635]. В основании второго – деятельность творческой (инновационной) личности, в то время как в рамках первого продвижение опирается на обмен ресурсами влияния на процессы принятия решений. Представляя обзор концептуального поля и истории изучения инноваций, канадский исследователь Б. Годин, автор капитальных работ, посвященных анализу употребления этого понятия в социальных науках, обращает внимание на его исторически негативную окраску применительно к общественной жизни: только во второй половине XX в. в условиях быстрого технологического прогресса инновации становятся признанным инструментом достижения социальных и политических целей [Godin 2015]. Долгое их отторжение было связано с доминированием традиционалистского мышления, жестко противопоставлявшего новшество традиции и видевшего в нем сугубо разрушительную силу. На новом этапе информационно-технологической революции технологические инновации, напротив, стали восприниматься как самодовлеющая сила, оспаривающая и даже полностью перечеркивающая адаптационный потенциал традиции применительно к сложным обществам.

В лексиконе экономической науки, давшей импульс развитию "инноватики" как отдельному научному направлению, понятие инновации описывает нововведения, дающие экономические эффекты как организационно-управленческого, так и технологического характера. Большое внимание уделяется развитию национальных инновационных систем, движущих сил и механизмов их формирования, роли науки [Иванова 2002; 2016; Инновационные приоритеты...2005]. Закономерно, что инновационный лексикон в наибольшей степени разработан применительно к сфере менеджмента, экономики фирмы и корпоративного управления, процессам организации инновационной активности [Fagerberg, Mowery 2006].

Запрос на формирование инновационно дружественной среды побуждает задуматься о механизмах адаптации инноваций в политической сфере. В исследовательском поле ставится вопрос о путях совмещения национальных традиций госуправления и правовой культуры с внедрением инновационных практик в эту сферу. Это особенно актуально, например, для управленческой культуры Южной Европы, которую отличает ярко выраженная специфика в деятельности национальной бюрократии [Mele 2010; Alba, Navarro 2011]. На пересечении экономики, менеджмента и политической науки родились модели социальной ответственности бизнеса и "корпоративного гражданства" как его инновационной политической надстройки [Перегудов, Семененко 2008]; следующим шагом стала интеграция этих подходов в корпоративные стратегии через внедрение критериев "экологического, социального и корпоративного управления" (*Environmental, Corporate and Social Governance*, *ESG*) в контексте концепции "устойчивого развития". Продвижение этих подходов и соответствующих практик стало непреложным условием "политкорректного" бизнеса; при этом по меньшей мере спорными оказываются сами критерии эффективности, стремящиеся соединить в инновационной политике бизнес-модели и социальные потребности.

Обзор исследовательского поля социальных инноваций за последние шесть десятилетий (с 1955 по 2015 гг.) позволяет отнести к ним инновации в сфере социальных услуг и в сфере развития человека. Такие инновации ориенти-

рованы на удовлетворение социальных запросов и продвижение социально значимых ценностей силами гражданских структур, государства и частного сектора; их внедрение ведет к изменениям в социальных практиках путем коллективного освоения нового опыта [Edwards-Schachter, Wallace 2015: 23]. Институционализация таких новых социальных практик имеет и прямые политические эффекты. Так, тридцатилетний опыт деятельности Агентств регионального развития (*Regional Development Agencies*) в Канаде выстраивался на сочетании инструментов корпоративного управления с новаторскими подходами в вопросах вовлечения местных сообществ. Эта политика была нацелена на поддержание равновесия между задачами консолидации федеративного государства и инновациями регионального масштаба [Bradford, Wolfe 2013: 343-344], притом что последние порой были чреваты углублением разрывов в развитии разных по ресурсному обеспечению территорий.

Социальные инновации могут генерировать такие политические эффекты, как стимулирование активности местных сообществ и институтов гражданского общества, создание локальных и пространственно распределенных управленческих структур, снижение социальной напряженности [Соловьева 2018: 85-86]. О расширении предметного поля использования концепта инноваций на политическую сферу свидетельствует быстрый рост числа работ по этой тематике на рубеже 2010-х годов, в том числе российских авторов (см. [Сергеев 2008; Теория и политика... 2010; Кирсанова 2012; Сунгуров 2015]). Он был подготовлен прорывами в научно-технологической сфере, связанными с бурным развитием интернета и продвижением вопросов инновационной политики как приоритетов развития России (концепция четырех "И"), и сопровождался валом публикаций по теории модернизации и "догоняющего развития".

Эти исследования сформировали отдельное направление в изучении тенденций социально-политической динамики стран и регионов мира. В российском научном поле был сформулирован общественный запрос на субъекта российской модернизации, "поисками" которого отечественные исследователи активно занимались в 2000-х годах. Внимание к инновационному обществу и инновационному человеку как его субъекту сопровождалось тогда разработкой российской модели экономики инноваций и основ национальной инновационной системы [Инновационный человек... 2012].

Вектор инновационного развития может выстраиваться, как доказывалось в ряде исследований, за счет диффузии инноваций, их постепенного распространения и адаптации [Сунгуров 2015: 16]. Концепт "диффузии инноваций" родился в США в начале 1960-х годов, когда в контексте анализа американского и международного опыта были поставлены вопросы о совместимости инноваций с ценностями и убеждениями тех, кому адресовано их внедрение, с принимающей средой, а также о соответствии общественным запросам как факторе диффузии инноваций (см. [Rogers 1983: 223-225]). Однако в политическом поле надежды на их эффект, стимулирующий развитие, редко оправдывались: опыт создания имитационных политических институтов в странах постсоветского пространства ожидаемых результатов не принес. Во многом это было связано с характером целеполагания, ориентированном на ту же логику ускоренного "догоняющего развития". Воспринявшие эту модель элиты заводили экономику и общество в "институциональную ловушку", когда в результате стратегий "шоковой" пересадки институтов, без промежуточных адаптационных форм, прививались не новые формы, а, напротив, расцветали неэффективные нормы

и модели поведения [Полтерович 2004: 5]: теневая экономика, коррупция и др. Условием их преодоления должен был бы стать "высокий уровень гражданской культуры и развитости гражданского общества", способный обеспечить "рациональную координацию" усилий вовлеченных участников [там же: 10]; однако общества с таким уровнем гражданской культуры способны сами, "изнутри" генерировать новые институциональные формы. В инновационной деятельности приоритет принадлежит взаимодействию "власти, гражданских организаций и научного сообщества, так как представители этих сообществ могут внести собственное знание и понимание ситуации, а также представления о должном, то есть нормативные ценности" [Сунгуров 2015: 88].

Тем более плодотворными являются выводы о принципиальной многоаспектности политической модернизации [Лапкин 2012: 73-76] и о "неустранимо политическом характере инновационной активности" [Сергеев 2008: 116, 123], о социальных инновациях как "процессах, которые по сути имеют политическое измерение" [Ayob, Teasdale, Fagan 2016: 648]. Это измерение обусловлено политическими эффектами от внедрения системных инновационных практик, их влиянием на состояние политических институтов.

Такие представления включают понимание преемственности как неотъемлемой составляющей культурной нормы и традиции как ее воплощения. *Традиция* (*лат*. *traditio* – передача, предание, от *trado* – передавать, отдавать) как очевидный на первый взгляд механизм преемственности, уравновешивающий дестабилизирующий потенциал инноваций, при ближайшем рассмотрении оказывается не столь очевидной смысловой "парой" (или "дуальной оппозицией", если обратится к термину, который широко использовал в изучении закономерностей российских трансформаций А.С. Ахиезер) инновации. И не в последнюю очередь потому, что ее выразителем является не индивид, а социальная группа, сообщество, коллективный актор. В то время как у инноваций может быть вполне конкретный "родитель", автор инновационной идеи, инновационная личность [Морозова 2011], которая в процессе социальных взаимодействий может "делегировать" группе их практическую реализацию. В инновациях доминирует рационально мотивированная составляющая, в то время как освоение традиции лежит за пределами сферы рационального опыта модерна и тем более нынешнего его постмодернового этапа, когда сам принцип рациональности зачастую трактуется исходя сугубо из текущих интересов, без учета долговременных эффектов.

В социальных науках традицию рассматривают как "способ аккумуляции и трансляции коллективного опыта человеческой деятельности, выраженного в социальных стереотипах" [Маркарян 1983: 154], как "механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконяется самим фактом их 'существования в прошлом'", и как "сами социальные установки и нормы, которые воспроизводятся таким образом (национальная традиция)" [Левада 1970: 853]. Традицию определяют через объекты социокультурного наследия, процессы и способы их наследования [Гофман 1998: 265] (критический разбор истории понятия и его трактовок (см., например [Гофман 2008]) не входит в задачу автора данной статьи). Предметное поле, в рамках которого изучается бытование политической традиции, формируют несколько измерений преемственности: во-первых, идей, ценностей и моделей мышления; во-вторых – моделей поведения и способов их отражения; в-третьих – институтов. В литературе, посвященной национальным

политическим традициям, доминирует анализ институциональной традиции, описываются устойчивые формы организации политической жизни и способы обеспечения преемственности политических институтов, и на этой основе, как уже отмечалось выше – поддержания стабильности политической системы.

В контексте политического анализа предметом является политическое использование традиции, причем далеко не всегда речь идет о традиции политической. В современном научном поле главным объектом внимания остаются различные национальные политические традиции, а теория политической традиции фокусируется на сверхпопулярном концепте “изобретения традиций”, сформулированном Э. Хобсбаумом [Hobsbawm, Ranger 1983]. Теоретических работ о понимании традиции в политической науке немного, лакуны объясняются идеологически нагруженной трактовкой понятия и сопутствующими идейными позициями, когда участникам дискуссии грозят обвинения в идеологической предвзятости. И сторонники, и противники традиции исходят из имплицитного понимания того, что интерес к этому феномену предполагает политическую ангажированность, занятие определенной политической позиции, где *традиция* отождествляется с *традиционализмом* и становится идеологическим знаменем определенного политического лагеря [Phillips, Schochet 2004: 3]. Абсолютизация в дискурсах развития инновационной составляющей ведет к трактовке традиционализма как своего рода “антимодерна”. Это понятие противопоставляется демократии и самой возможности политического развития, отвечающего стоящим перед сложным обществом вызовам. Приходится констатировать, что причина неразработанности проблематики политической традиции и диалектики традиций и инноваций – *политизация дискурса о традиции* и *самоцензура* работающих в этом поле исследователей.

Действительно, отдельное и очень заметное место в современной публичной политике занимает традиционализм как идеология популистских политических движений, отторгающих постмодернистские установки “преодоления идентичности”. Традиционалисты ратуют за сохранение и поддержание ценности традиционной семьи и данной Богом (или заданной “природой”) сексуальной идентичности, за признание трудовых и иных заслуг независимо от расовой и иной идентичности (т.е. вразрез с так называемой позитивной дискриминацией), за одобряемое право гордиться принадлежностью к своему народу и государству, его прошлыми победами и достижениями в культуре, пусть они и расходятся с господствующими сегодня ценностными установками [Лункин, Филатов 2019: 57].

Особое место в этом поле занимает религиозная традиция. В социальной философии она трактуется как способ социального наследования и механизм передачи религиозного и, шире, исторического опыта поколений, но также как форма социального самовыражения личности в ответ на ее высшие, духовные потребности. Действительно, “в религиозной глубине заложено начало консервативное. Там же заложено и творческое...” [Бердяев 1923: 101]. В кризисные периоды, когда обостряется потребность личности в устойчивых ценностных ориентирах, а общества – в позитивных целях развития и в солидарных социальных действиях, особенно значимо изучение потенциала религиозной традиции как стимула развития и мотиватора созидательного и активного социального поведения.

Непримиримая ценностная, мировоззренческая оппозиция традиционализма и антитрадиционализма определяет глубинные линии партийно-политических

размежеваний в западном мире. С возвращением традиционализма в политический дискурс связано начало нового этапа идейно-политической борьбы после произошедшей на Западе "мирной революции антитрадиционализма" под флагом пресловутой "новой этики" [Лункин, Филатов 2019: 53-54]. Доведенная до абсурда политизация "новой этики" принимает агрессивные формы "культуры отмены" и "диктатуры меньшинств", нетерпимости к ценностям, укоренным в культуре модерна. В условиях стремительного подъема волны *антитрадиционализма* научный дискурс следует за публичным в поисках аргументов "против" идентичности. Однако сами антитрадиционалистские установки не вписываются в логику политических инноваций, которые имлицитно опираются на свободу мнений и возможность свободного выбора ценностных предпочтений, соответствующих убеждениям инновационной личности.

Демократические принципы как осевая составляющая политической инновации отступают перед политкорректностью, и политическое развитие поворачивает вспять... Так, в США громко звучат исходящие из республиканского лагеря требования "национального развода"[1], разрешения непримиримых мировоззренческих противоречий путем разделения на "красную" и "синюю" Америки, сокращения полномочий федерального правительства. Противостоящий лагерь квалифицирует их как "призывы к гражданской войне". Идейные противники "новой этики" платят тем же. И хотя такого рода ультрарадикализм был и остается маргинальным явлением, он отражает градус мировоззренческой непримиримости "традиционалистской" и "прогрессистской" Америк.

Тем более актуальным оказывается вопрос о соотношении модернизации и традиции, поскольку в логике догоняющего развития "победа инновации над традицией считалась важнейшим признаком модернизации"; на нынешнем этапе, который российский исследователь В.Г. Федотова классифицирует как "третий модерн", или как "Новое время для незападных стран", происходит реанимация традиционного многообразия и "возврат" к модерну, питаемому традицией, притом, что позитивный итог развития в условиях появления непредсказуемых рисков не гарантирован [Федотова 2014: 81, 85; см. также Федотова, Колпаков, Федотова 2008]. Очевидно, что признание "многообразия современностей" [Eisenstadt 2000] ведет к пересмотру дихотомического ви́дения *традиции* и *современности*. Между тем такая дихотомия прочно, но не вполне обоснованно утвердилась в лексиконе социогуманитарных наук к концу прошлого века, став, в контексте сравнения незападного и западного политического опыта, расхожей формулой модернизационных исследований.

Традиции и инновации: проблемы позитивной совместимости

В реальности современных сложных обществ просматриваются тенденции "модернизации традиционности" и "традиционализации инноваций" [Гофман 2010: 242-243]. Результирующая этих процессов позволяет определить направленность социально-политических изменений и прогнозировать перспективы трансформаций политических институтов. Раздвигая рамки политического, "традиции и инновации можно рассматривать в качестве переносчиков со-

[1] См.: Neukam S. Marjorie Taylor Greene calls again for a "national divorce". https://thehill.com/homenews/house/3866590-marjorie-taylor-greene-calls-again-for-a-national-divorce/ (accessed 23.02.2023). В Техасе вопрос о выходе из состава США будируется со времен Гражданской войны 1860-х годов; последняя по времени инициатива такого рода (март 2023 г.), принадлежащая республиканскому политику правого толка, предлагает вынести вопрос на референдум в ходе следующих президентских выборов (2024 г.).

циального взаимодействия между людьми и между различными поколениями людей... эти взаимодействия имеют диаметрально противоположную направленность: традиция обеспечивает механизм отрицательной обратной связи (выход < вход), обусловливающей простое воспроизводство, гомеостазис, равновесность, непрерывность и континуальность, ‘порядок’ системы; инновация обеспечивает механизм положительной обратной связи (выход > вход), неравновесность, расширенное воспроизводство, неустойчивость, дискретность, ‘хаотизацию’ социальной системы и возможность ее трансформации в более сложную или сверхсложную систему” [Колбановский 2010: 156]. Такое разнонаправленное и зачастую конфликтное взаимодействие определяет политическое развитие современных обществ и их способность адаптироваться к меняющимся внешним условиям и социальным запросам. Эти процессы проходят через стадию взаимного отрицания до разных форм взаимопроникновения и совмещения, в идеале – гармонизации (пусть и ситуативной, но в перспективе – создающей сплав того и другого и размывающей дихотомию, дополняющей ее новым качеством). Будучи конкретно-историческими феноменами, традиция и инновация, по мысли российского исследователя, “есть два взаимодействующих и взаимодополняющих механизма самоорганизации простых, сложных и сверхсложных социальных систем”, отвечающих за их функционирование (традиция) и развитие (инновация) [там же: 21-22].

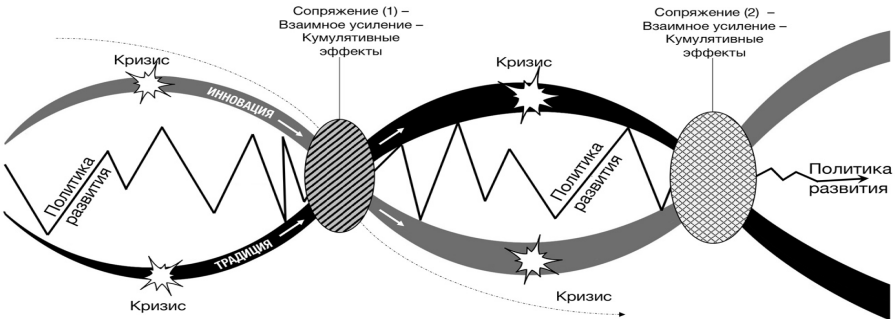
Траектории социальной динамики, заданные взаимодействием традиций и инноваций в контексте политики развития, можно представить в графическом виде (см. рисунок)[2].

Рисунок (Figure)

Традиции и инновации в политике развития: диалектика взаимодействия

Interactions of tradition and innovation in development policies

Эти траектории неизменно проходят через фазы кризисов, усиливающих социальные разрывы и неопределенность в выстраивании политики развития (наиболее высокие точки траекторий одного типа и наиболее низкие точки траекторий иного типа). Но, одновременно, они же стимулируют поиски возможностей их совмещения как ответ на кризисные вызовы, в результате достигается кумулятивный эффект, дающий новый импульс политике развития. Вхождение в новую фазу кризиса вновь актуализирует потребность во взаимном усилении и поиске соответствующих механизмов регулирования,

[2] Автор выражает благодарность Т.И. Хайнацкой (м.н.с. ЦСЭПИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН) за помощь в подготовке данной иллюстрации.

это может способствовать достижению большего общественного согласия, переформатированию общественного договора о развитии, выстраиванию более определенной, целеориентированной траектории на основе разделяемого образа будущего. Конечно, при условии наличия *политической воли к обеспечению политического развития*, которое ведет к расширению поля взаимодействия традиций и инноваций для продвижения социального творчества и поддержания культурной преемственности.

Конкретные показательные примеры такого синтеза можно обнаружить, в частности, в национальных практиках подготовки политической элиты в странах Запада в элитарных учебных заведениях, например, в Великобритании и во Франции. Усвоение традиции в рамках системы образования призвано было способствовать (и отчасти способствовало) формированию инновационного мышления в сфере госуправления. В отходе от этих апробированных моделей видится одна из причин современного кризиса рекрутирования элит; но ясно и то, что на этапе технологической революции такие закрытые системы оказались неспособны адаптироваться к новым вызовам.

В литературе, ставящей вопрос о соотнесенности в политике традиции и инновации/новации как меняющей социальный порядок практики за рамками дискурса модернизации, описываются новые политико-управленческие подходы и их связь с устоявшимися методами управления на уровне местных или профессиональных сообществ. Сближение и взаимопроникновение на этом уровне носит ситуативный характер, обусловленный поисками эффективных путей решения конкретных задач. Так, основой внедрения и освоения управленческих инноваций может стать апелляция к традиции, например, к трудовой этике, с которой вовлеченные участники себя соотносят. В этой же логике выстраиваются новые туристические кластеры: толчком могут служить традиционные промыслы или местные природные ресурсы, которые осваиваются и продвигаются с помощью новых технологий и новых форм социальной коммуникации. В современной России такой опыт успешно нарабатывается в ряде малых городов (Коломна, Мышкин, Дмитров, Ейск и др.).

Неэкономические источники инновационного развития, связанные с производством постматериальных ценностей, могут укорениться в структуре нематериальных ресурсов развития территорий при условии опоры на местные традиции. По итогам изучения опыта Краснодарского края, показательного с точки зрения насыщенности обоих измерений, российские исследователи делают вывод о роли институтов публичной политики, позволяющих “территориальным сообществам распознать и эффективно использовать свои особые, уникальные ресурсы, связанные как с развитием традиционных, так и с продвижением альтернативных моделей производства и потребления, с нахождением баланса между ‘традицией’ и ‘инновацией’” [Мирошниченко, Морозова 2022: 145]. Проблему совмещения можно решать с помощью грамотной политики идентичности, с максимально широким вовлечением гражданских инициатив и религиозных организаций, а также работающего на территории бизнеса, местных властей, институтов образования и культуры. Эмпирические исследования на российском и зарубежном материале подтверждают наличие “активного меньшинства” примерно в 2,5% населения, которое может стать проводником такой политики [Глазычев 1998; 2005]. При изучении российского опыта важно учитывать влияние исторических реалий прерывистого развития и территориально-пространственной динамики на современные социально-политические

процессы. Насущной задачей становится вовлечение широкого круга участников в формирование повестки дня политики развития, создание "пулов" нематериальных ресурсов развития территорий.

Серьезным сдерживающим фактором в поиске ситуативного баланса между двумя противоположенными векторами общественного развития остается институциональная инерция, появление разных форм имитации инновационной активности под видом "проектов развития". Условия преодоления такой инерции – ответственный выбор тех, кто принимает решения, опирающийся на экспертную проработку задачи, и налаживание механизмов обратной связи с массовыми социальными группами – адресатами политики развития, на основе продвижения *стратегии ответственного развития* [Семененко 2019]. Ключевым оказывается личностное измерение изменений: традиция и инновация, в отличие от других форм социальных связей, "представляют интеллектуально-эмоциональную силу, владеют умами и сердцами людей, и уже в качестве такой силы способны либо поддерживать, либо отвергать социальные структуры и институты" [Колбановский 2010: 155]. В картине мира современного человека соприкасаются и взаимодействуют традиционные ценности и образ будущего, который обретает плоть в инновационных социокультурных практиках, а в политическом поле – в повестке политики развития. "Социальное обеспечение" развития [Глазычев 1998] – за активными лидерами, способными сформулировать позитивные цели и мотивировать более широкий круг участников.

Актуальной остается постановка, в общественном измерении, вопроса о восприимчивости политической культуры к инновациям и об адаптации традиций к социальному запросу. Такая восприимчивость выстраивается на интеграции противоположенных трендов развития на разных уровнях – мышления и рефлексии (личностный), ценностей и идентичностей (групповой), институциональных норм и управленческих практик (территориально-государственный). Если же спуститься с теоретических вершин на уровень социальных практик, то показательным примером поиска ситуативных сочетаний традиций и инноваций является работа с культурным наследием в контексте политики идентичности. Эта проблема отнюдь не сводится к внедрению новых форм популяризации наследия: "потребление культуры" стало неотъемлемой частью "экономики впечатлений" и успешно поддерживает стандарты "общества потребления", эксплуатируя "традицию" в качестве одного из товаров на "рынке идентичностей". Вопрос о возможностях "примирения" "консерватизма" и "инноваций" остро стоит в работающей с культурным наследием профессиональной среде: усилия предлагается направить на формирование "восприятия наследия как актуального ресурса для сегодняшней хозяйственно-экономической и социальной деятельности"[3]. Вряд ли, однако, этой рациональной мотивации достаточно для превращения наследия в ресурс социального развития. Так, например, народное искусство перерождается на этом треке в производство околохудожественной массовой продукции, материальной и нематериальной имитации подлинного. Современное культурное пространство перенасыщено разного рода подобиями инноваций и имитациями традиций.

Сложная диалектика взаимодействия традиции и инновации в сфере культуры отражается в приоритетах политики идентичности, особенно яв-

[3] "Потешные игры с наследием": консерватизм vs инновации. *Московское наследие*. 2022. № 6 (84). С. 102.

ственно – в сфере образования. Глубинные взаимосвязи между активностью в сфере искусства, гуманитарных и социальных наук и продвижением инноваций [Linton 2018] выстраиваются на готовности не ограничиваться сугубо технологическими решениями, но также на признании рисков применения социогуманитарных технологий для культурной безопасности, в первую очередь этического порядка. Так, вызовы, которые бросает искусственный интеллект развитию науки и образования, потребности в обеспечении социальной и культурной безопасности, не решаются с помощью только лишь запретительных мер или жесткого политико-правового регулирования...

В политическом поле в ходе таких взаимодействий появляются новые возможности для пресловутого "изобретения традиций" (в логике Э. Хобсбаума), которые политический класс может использовать в целях манипулирования общественным сознанием. Как отмечает сам Хобсбаум, "намерение использовать и зачастую изобрести традиции для манипуляции очевидно; и то, и другое происходит в политике... При этом ясно, что самые успешные примеры манипулирования эксплуатируют практики, соответствующие необходимости, ощущаемой... особой общностью людей" [The Invention...1983: 308]. Когда же традиция внешне осовременивается с помощью инновационных технологий, создается видимость синтеза традиций и инноваций, а в реальности – та же его имитация.

Как (и возможно ли в принципе) разрешить это противоречие, с которым все мы сталкиваемся в повседневной жизни? Как оно влияет на идентичность массового потребителя культуры и технологий, который одновременно является и гражданином государства, и, потенциально – "человеком политическим"? Ведь именно обеспечение преемственности позитивных, созидательных ориентиров идентичности – сверхзадача "модернизации традиций", которая отнюдь не сводится к ее приспособлению для хозяйственно-экономической деятельности. Очевидно, что опора сугубо на традицию ведет к утрате импульса развития, в то время как внимание исключительно к социальным и экономическим инновациям, по существу – насильственная модернизация – к разрывам между поколениями, разобщенности социума и социальной аномии, в конечном счете – также к торможению развития. В этом контексте разделения между теми, кто поддерживает традиционные ценности и теми, кто ищет пути их радикального пересмотра вплоть до отторжения – одна из глубинных линий размежевания в современных разделенных обществах [Семененко, Лапкин, Пантин 2021: 73]. И сегодня в условиях кризисного развития эти разделения продолжают углубляться.

Такие размежевания не так ярко выражены в социумах, где идеи агрессивного отторжения традиций не интегрированы в проводимую государством политику идентичности. Но они присутствуют на уровне личностной рефлексии и в формах ее отражения в публичном пространстве (в различных культурных практиках, в рекламе, в медиадискурсе, в музеях как хранилищах памяти и пространствах диалога ее носителей). Под воздействием меняющейся внешней среды и появления новых внутренних линий социального напряжения размывается и трансформируется культурная норма.

В условиях усиливающейся нестабильности современного миропорядка острой становится потребность в механизмах обеспечения социальной и культурной безопасности за счет интеграции традиционных установок и инновационных практик на уровне ценностей и идентичностей. "Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере

(...предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания” [Романова 2015: 6]. Потребность в таком совмещении обостряется под влиянием внешних угроз, опасных для суверенитета государства и целостности общества: на это указывает, например, советский опыт предвоенных лет.

Нередко в условиях эскалации конфликтности в мировой политике и непредсказуемости последствий новых вызовов для внутреннего развития в публичную сферу транслируются неясные, тревожные представления о будущем, за которыми не просматриваются дальние горизонты. У политических элит в эти кризисные периоды появляется соблазн поиска простых управленческих решений, подменяющих приоритеты развития задачами выживания, а социальную солидарность – негативной идентичностью, противостоянием “другим” и отказом от самого принципа открытости иному культурному опыту.

Социетальная безопасность оказывается в прямой зависимости от снижения потенциала конфликтности, поддержания ситуативных балансов между традиционными и инновационными практиками коммуникации в публичной сфере. Фактор *взаимовлияния и взаимного усиления традиций и новаций* – ключевой в оценке эффективности политики развития и в прогнозировании политических изменений. Вопрос об их сочетаемости и о позитивных эффектах “перекрестного опыления” требует теоретического осмысления с учетом опыта “успешных” стран, идущих быстрыми темпами в реализации политики развития, где технологические и социальные инновации органично вписываются в среду обитания человека, поддерживая традиционные социальные практики на уровне территорий. Интересный и разноплановый материал дает современный опыт Китая, Индии, Японии, Турции, Саудовской Аравии, азиатских (Южная Корея, Малайзия, Сингапур) и западных (Ирландия, Новая Зеландия) “тигров”. Плодотворным может быть изучение процессов адаптации политической культуры, массового сознания и идентичности к новым экономическим и социально-политическим реалиям в ряде стран постсоветского пространства, таких, как Казахстан, или постсоциалистического опыта Венгрии и ряда государств, появившихся после распада Югославии.

Во всех упомянутых национальных контекстах приоритеты политики развития выстраиваются вокруг разных моделей сопряжения традиций и инноваций. К таким сочетаниям апеллируют и в официальной идеологии: китайский опыт адаптации к современным условиям конфуцианского наследия – один из наиболее показательных примеров. Фэй Сяотун, мэтр китайской социологии и антропологии, трактует соединение традиции и инновации как органичное “прорастание нового из старого... инновации нужна традиция, или она не пустит корни; но и традиции нужна инновация, или она завянет. Традиция живет через постоянное обновление” [Xiaotong 2015: 236]. Есть примеры выстраивания политики развития вокруг такой повестки, в которой инновационные социальные практики дополняются традиционными, отвечающими запросам разных по культурным традициям групп населения – этнических меньшинств, диаспоральных сообществ, но также и большинства. Такой опыт реализуется в рамках развития местных сообществ с выраженной доминантной идентичностью: например, в регионах Юга России проблемы адаптации традиционных институтов к условиям современного общества решаются казачеством совместно с региональной и местной властью. Важная роль в про-

движении комплексного ви́дения развития принадлежит сфере просвещения и образования, постоянной "тонкой настройке" институтов социализации под потребности развития человека, общества и государства.

* * *

Традиции и инновации как категории, характеризующие разнонаправленные векторы социально-политической динамики, занимают заметное место в современном научном и политическом дискурсах. Однако за редкими исключениями их и рассматривают, и оценивают по отдельности, имплицитно исходя из несовместимости этих двух режимов развития. В публичном пространстве утвердился односторонний взгляд на потенциал взаимодействия традиций и инноваций для обеспечения потребностей общественного развития. Политизации дискурса способствует подмена этих категорий понятиями традиционализма и его многочисленными антиподами, которые трактуются в зависимости от идейных позиций участников дискуссии.

Между тем в состязательности и в возможности взаимного усиления традиций и инноваций как механизмов самоорганизации общества и заключен потенциал координации общественных трансформаций в условиях той системной нестабильности, которую переживает современный миропорядок. По сути – это императив поддержания жизнеспособности государства как формы организации политического и социального порядка: такое сбалансированное сочетание может придать разделенным обществам позитивную, нацеленную на решение задач развития динамику, объединить их вокруг нового "общественного договора". Для личности – это возможность обрести социальные ориентиры, отвечающие смысложизненным поискам человека, его стремлению к гармонии с окружающим сложным миром.

DOI: 10.17976/jpps/2023.05.04

TRADITION AND INNOVATION IN POLITICS AND IN DEVELOPMENT POLICIES: DIALECTICS OF COMPATIBILITY

I.S. Semenenko[1]

[1] *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

SEMENENKO, Irina Stanislavovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, email: semenenko@imemo.ru

Semenenko, I.S. (2023). Tradition and innovation in politics and in development policies: dialectics of compatibility. *Polis. Political Studies*, 5, 45-65. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.04

Received: 05.04.2023. Accepted: 07.06.2023

Abstract. The article discusses diverse approaches to the conceptual analysis of socio-political change, "social development" and of "development policies" as its managed dimension. The existing research field is characterized by a deficit of adequate terms and capacious language forms to describe criteria, principles and mechanisms of social (societal) development. The basic research paradigm of social development also needs to be revised. Within the framework of theoretical models describing societal development, the dichotomy of "traditions" and "innovations" is evident, and in political and managerial practices implemented on behalf of the state, one or the other component of this dichotomy is often absolutized. The author considers the possibilities of "marrying" traditions and innovations within the public policy agenda in modern societies which are deeply divided on value and socio-cultural grounds, and discusses

the viability of such a conjunction. It is argued that the effectiveness of development policies depends on the mutual strengthening of traditions and innovations and on their situational compatibilities. The analysis of development discourses and practices of positive combinations in public policy actors' activities at the local level reveals the urgent need to promote dialogue on development policy issues between elite and mass groups and within these groups. Finding a combination of continuity and discontinuity in public policy that can meet the public demand for responsible development through the interaction of a competent political class and active civil society, is a priority for implementing effective development policies. This approach is based on the assimilation of traditional values into the social experience of an innovative individual engaged in social creative practices.

Keywords: tradition, innovation, social (societal) development, political development, development discourses, development policies, responsible development, continuity, discontinuity, identity politics, divided societies, innovation champion.

References

Alba, C., & Navarro, C. (2011). Administrative tradition and reforms in Spain: adaptation versus innovation. *Public Administration,* 89(3), 783-800. https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.2010. 01886.x

Ayob, N., Teasdale, S., & Fagan, K. (2016). How social innovation "came to be": tracing the evolution of a contested concept. *Journal of Social Policy*, 45(4), 635-653. https://doi.org/10.1017/S004727941600009X

Berry, B.J.L. (1991). Long-wave rhythms in economic development and political behavior. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

Bradford, N., & Wolfe, D.A. (2013). Governing regional economic development: innovation challenges and policy learning in Canada. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society,* 6(2), 331-347. https://doi.org/10.1093/cjres/rst006

Edwards-Schacht, M., & Wallace, M.L. (2015). 'Shaken, but not stirred': six decades defining social innovation. *INGENIO (CSIC-UPV) Working Paper Series. Working Paper Nº 2015-04.* https://doi.org/10.13140/RG.2.1.1624.4569

Eisenstadt, Sh.N. (2000). Multiple modernities. *Daedalus*, 129(1), 1-29.

Fagerberg, J., & Mowery, D.C. (Ed.). (2006). The Oxford handbook of innovation. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199286805.001.0001

Gallie, W.B. (1956). Essentially contested concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 56(1), 167-198. https://doi.org/10.1093/aristotelian/56.1.167

Godin, B. (2015). Innovation contested. The idea of innovation over the centuries. London, New York: Routledge.

Hobsbawm, E., & Ranger, T. (eds.). (1983). The invention of tradition. Cambridge: Cambridge University Press.

Linton, J. (2018). Quiet contributors: the role of the arts, humanities and social sciences in innovation. *Foresight and STI Governance*, 12(3), 6-12. https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.3.6.12

Mele, V. (2010). Innovation policy in Italy (1993-2002): understanding the invention and persistence of a public management reform. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, 23(2), 251-276. https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2010.01478.x

Mensch, G. (1978). Stalemate in technology: innovations overcome the depression. Cambridge, MA: Ballinger Pub. Co.

Phillips, M.S., & Schochet, G. (Ed.) (2004). Questions of tradition. Toronto: University of Toronto Press. https://doi.org/10.3138/9781442678958

Pye, L.W. (1966). Aspects of political development. Boston, Toronto: Little, Brown and Co.

Rogers, E.M. (1983). Diffusion of Innovations. 3rd ed. New York, London: The Free Press.

Xiaotong, Fei (2015). Cultural tradition and innovation. In: Fei Xiaotong. *Globalization and Cultural Self-Awareness* (pp. 231-239). Berlin, Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-662-46648-3

Akhiezer, A.S. (1998). Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T. II. Teoriya i metodologiya. Slovar' [Russia: criticism of historical experience (sociocultural dynamics of Russia). Vol. II. Theory and methodology. Dictionary]. 2nd ed. Novosibirsk: Sibirskiy hronograf. (In Russ.)

Berdyaev, N.A. (1923). Pis'mo pyatoe. O konservatizme [Letter 5. On conservatism]. In N.A. Berdyaev *Filosofiya neravenstva. Pis'ma k nedrugam po sotsialnoy filosofii* [Philosophy of inequality. Letters to foes of social philosophy] (pp. 88-101). Berlin: Obelisk. (In Russ.)

Dynkin, A.A., & Ivanova N.I. (Ed.). (2005). Innovatsionnye prioritety gosudarstva [Innovative priorities of the state]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Fedotova, V.G. (2014). Modernization and tradition. *Znanie. Ponimanie. Umenie (Knowledge. Understanding. Skill)*, 2, 80-91. (In Russ.)

Fedotova, V.G., Kolpakov, V.A., & Fedotova N.N. (2008). Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii [Global capitalism: three great transformations]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russ.)

Glazychev, V.L. (1998). The idea of the city and technology management of environmental development. Typology of cities. *Website in memory of V.L. Glazychev*. (In Russ.) http://www.glazychev.ru/courses/1998-10-30_predstavlenie_o_gorode.htm

Glazychev, V.L. (2005). Glubinnaya Rossiya: 2000-2002 [Deep Russia: 2000-2002]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Gofman, A.B. (1998). Traditsii [Traditions]. In *Kul'turologiya. XX vek. Ehntsiklopediya* [Culturology. XX century. Encyclopedia]. Vol. 2 (pp. 265-266). St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)

Gofman, A.B. (2008). Teoriya traditsii v sotsiologicheskoi traditsii: ot Montesk'e i Berka do Maksa Vebera i Khal'bvaksa [Tradition theory in the sociological tradition: from Montesquieu and Burke to Max Weber and Halbwachs]. In A.B. Gofman (Ed.), *Traditsii i innovatsii v sovremennoi Rossii: sotsiologicheskii analiz vzaimodeistviya i dinamiki* [Traditions and innovations in contemporary Russia: a sociological analysis of interaction and dynamics] (pp. 68-127). Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Gofman, A.B. (2010). In search of a lost identity: traditions, traditionalism and national identity. *Scientific Almanac Questions of the Social Theory*, 4, 241-254. (In Russ.)

Ivanova, N.I. (2002). Natsional'nye innovatsionnye sistemy [National innovation systems]. Moscow: MAIK "Nauka". (In Russ.)

Ivanova, N.I. (2016). Innovation policy: theory and practice. *World Economy and International Relations*, 60(1), 5-16. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-1-5-16

Jessop, B. (2019). The state: past, present, future. (Russ. ed.: Jessop, B. Gosudarstvo: proshloe, nastoyashchee i budushchee. Moscow: Delo RANEPA).

Kirsanova, E.G. (2012). Innovations as a political science category. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*, 1, 15-24. (In Russ.)

Kolbanovsky, V.V. (2010). "Traditions and innovations in contemporary Russia": reflections on a collective monograph edited by A.B. Gofman. *Sociological Journal,* 4, 153-168. (In Russ.)

Kondratiev, N.D. (2002). Bol'shie tsikly kon"yunktury i teoriya predvideniya [The long waves in economic life; Die langen Wellen der Konjunktur]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)

Lapkin, V.V. (2012). Politicheskaya modernizatsiya Rossii v global'nom kontekste [Political modernization of Russia in a global changes context]. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)

Levada, Yu.A. (1970). Traditsiya [Tradition]. In F.V. Konstantinov (Ed.), *Filosofskaya ehntsiklopediya [Philosophical Encyclopedia]. Vol. 5* (p. 853). Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya. (In Russ.)

Lunkin, R.N., & Filatov, S.B. (2019). Fight "for" and "against" identity in inner political processes: a conflict between "new liberals" and traditionalists. *World Economy and International Relations*, 63(9), 50-60. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60

Markaryan, E.S. (1983). Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka. Logiko-metodologicheskii analiz [Cultural theory and modern science. Logical and methodological analysis]. Moscow: Mysl'. In Russ.)

Miroshnichenko, I.V., & Morozova, E.V. (2022). Public policy as a space for converting intangible resources into factors of territorial development. *Political Science (RU)*, 3, 144-163. (In Russ.) https://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.07

Morozova, E.V. (2011). Innovatsionnaya lichnost' kak sub''ekt politicheskikh izmenenii [Innovative personality as a subject of political changes]. In A.I. Solovyov (Ed.), *Modernizatsiya i politika: traditsii i perspektivy Rossii. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2011* [Modernization and Politics: Traditions and Perspectives of Russia. Political Science. Yearbook 2011] (pp. 207-217). Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Pantin, V.I., & Lapkin, V.V. (2006). Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya: Ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoi polovine XXI veka [Philosophy of historical forecasting: rhythms of history and prospects of the world development in the first half of the 21st century]. Dubna: Feniks+. (In Russ.)

Pantin, V.I., & Lapkin, V.V. (2014). Istoricheskoe prognozirovanie v XXI veke: tsikly Kondrat'eva, ehvolyutsionnye tsikly i perspektivy mirovogo razvitiya [Historical forecasting in the 21st century: Kondratieff cycles, evolutionary cycles and prospects for world development]. Dubna: Feniks+. (In Russ.)

Pantin, & V.I. (2023). Tsikly i volni istorii: priroda, chelovek, obshchestvo, kul'tura [Cycles and waves of history: nature, man, society and culture]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Peregudov, S.P., & Semenenko, I.S. (2008). Korporativnoe grazhdanstvo: kontseptsii, mirovaya praktika i rossiiskie realii [Corporate citizenship: concepts, world practice and Russian realities]. Moscow: Progress-Traditsiya Publishers. (In Russ.)

Polterovitch, V.M. (2004). Institutional traps and ways out. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 3, 5-16. (In Russ.)

Romanova, A.P. (2015). Traditions and innovations from the perspective of cultural security. *Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology,* 1(2), 3-12. (In Russ.)

Round table of the "Polis" journal. Theory and politics of innovative development and the innovations in politics. (2010). *Polis. Political Studies*, 2, 128-145. (In Russ.)

Schumpeter, J.A. (2007). Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. (Russ. ed.: Schumpeter, J.A. Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. In Schumpeter, J.A. *Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm, demokratiya* (pp. 31-362). Moscow: Eksmo).

Semenenko, I.S. (2019). Horizons of responsible development: from discourse to governance. *Polis. Political Studies*, 3, 7-26. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02

Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., & Pantin, V.I. (2021). Social cleavages and political divides in a theoretical perspective: criteria for assessment and classification. *Polis. Political Studies*, 5, 54-75. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05

Sergeev, V.M. (2008). Innovation as a political problem. *Politeia*, 1, 114-125. (In Russ.)

Solovyov, A.I. (2020). Gosudarstvo: smysly i obrazy [The State: Meanings and Images]. In: *Gosudarstvo v politicheskoi nauke i sotsial'noi real'nosti XXI veka* [The State in Political Science and Social Reality of the 21st Century]. Ed. by I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin. Moscow: Ves' Mir. P. 37-62. (In Russ.).

Soloveva, T.S. (2018). Impact of social innovations on regional development: conceptual framework. *Problems of Regional Economy*, 3 (36), 81-88. (In Russ.)

Sungurov, A.Yu. (2015). Kak voznikayut politicheskie innovatsii: "fabriki myslI" i drugie instituty-mediatory [How political innovations arise: thought factories and other institutions-mediators]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Suprun, V.I. (Ed.) (2012). Innovatsionnyi chelovek i innovatsionnoe obshchestvo [Innovative man and innovative society]. Novosibirsk: Trendy. (In Russ.)

Sztompka, P. (1996). The sociology of social change. (Russ. ed.: Sztompka, P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii. Moscow: Aspect Press).

Toynbee, A.J. (2009). The study of history. Vol. I-VI. The geneses, the growths, and the breakdowns of civilizations. (Russ. ed.: Toynbee, A.J. Issledovanie istorii. Vozniknovenie, rost i raspad tsivilizatsii. Moscow: AST).

Литература на русском языке

Ахиезер А.С. 1998. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Бердяев Н.А. 1923. Письмо пятое. О консерватизме. *Философия неравенства*. Берлин: Обелиск. С. 88-101.

Глазычев В.Л. 1998. Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов. *Сайт памяти В.Л. Глазычева*. http://www.glazychev.ru/courses/1998-10-30_predstavlenie_o_gorode.htm

Глазычев В.Л. 2005. Глубинная Россия: 2000-2002. М.: Новое издательство.

Гофман А.Б. 1998. Традиции. *Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2 т.* Т. 2. СПб.: Университетская книга. С. 265-266.

Гофман А.Б. 2008. Теория традиции в социологической традиции: от Монтескье и Бёрка до Макса Вебера и Хальбвакса. *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики*. Под ред. А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 68-127.

Гофман А.Б. 2010. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность. *Вопросы социальной теории*. Т. 4. С. 241-254. EDN: NQXENP

Джессоп Б. 2019. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС.

Иванова Н.И. 2002. Национальные инновационные системы. М.: МАИК "Наука".

Иванова Н. 2016. Инновационная политика: теория и практика. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 1. С. 5-16. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-1-5-16. EDN: VSVFJZ.

Инновационные приоритеты государства. 2005. Отв. ред.: чл.-корр. РАН А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М.: Наука. EDN: QQRCTJ.

Инновационный человек и инновационное общество. 2012. Под ред. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ "Тренды".

Кирсанова Е.Г. 2012. Инновации как политологическая категория. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. № 1. С. 15-24. EDN: PBBXPJ.

Колбановский В.В. 2010. “Традиции и инновации в современной России”: размышления над коллективной монографией под редакцией А.Б. Гофмана. *Социологический журнал*. № 4. С. 153-168. EDN: PBDSEN.

Кондратьев Н.Д. 2002. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика.

Лапкин В.В. 2012. Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений. М.: ИМЭМО РАН. EDN: RPPKOX.

Левада Ю.А. 1970. Традиция. *Философская энциклопедия*. Т. 5. М.: Советская энциклопедия. Под ред. Ф.В. Константинова. С. 853.

Лункин Р., Филатов С. 2019. Борьба “за” и “против” идентичности во внутриполитических процессах. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 9. С. 50-60. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60. EDN: DDBHRT.

Маркарян Э.С. 1983. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ. М.: Мысль.

Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. 2022. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий. *Политическая наука*. № 3. С. 144-163. https://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.07. EDN: TBHZVT.

Морозова Е.В. 2011. Инновационная личность как субъект политических изменений. *Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011*. Гл. ред. А.И. Соловьев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 207-217. EDN: XWCXTN.

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2006. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+. EDN: QOEPRD.

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2014. Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+. EDN: UZNTGV.

Пантин В.И. 2023. Циклы и волны истории: природа, человек, общество, культура. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЕН). EDN: TVZFCP.

Перегудов С.П., Семененко И.С. 2008. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция. EDN: SUPJHZ.

Полтерович В.М. 2004. Институциональные ловушки: есть ли выход? *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5-16. EDN: OWOHPR.

Романова А.П. 2015. Традиции и инновации с позиции культурной безопасности. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. Т. 1. № 2. С. 3-12. EDN: WCPLGN.

Семененко И.С. 2019. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 7-26. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02. EDN: WCZPDF.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. 2021. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 54-76. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05. EDN: DTBRYE.

Сергеев В.М. 2008. Инновации как политическая проблема. *Полития*. № 1. С. 114-125. EDN: JTMWVL.

Соловьев А.И. 2020. Государство: смыслы и образы. *Государство в политической науке и социальной реальности XXI века*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 37-62. EDN: NLDULD.

Соловьева Т.С. 2018. Влияние социальных инноваций на региональное развитие: концептуальные положения. *Вопросы региональной экономики*. № 3. С. 81-88. EDN: FMMWGE.

Сунгуров А.Ю. 2015. Как возникают политические инновации: “фабрики мысли” и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия. EDN: VSIVQR.

Теория и политика инновационного развития и инновации в политике. Круглый стол журнала “Полис” и Института социологии РАН. 2010. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 128-145. EDN: LADFRN.

Тойнби А.Дж. 2009. Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА.

Федотова В.Г. 2014. Модернизация и традиция. *Знание. Понимание. Умение*. № 2. С. 80-91. EDN: SITWXJ.

Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. 2008. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция. EDN: QTBIHN.

Штомпка П. 1996. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс.

Шумпетер Й.А. 2007. Теория экономического развития. *Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия*. М.: Эксмо. С. 31-362.